

ЭО, 2009 г., № 6

© А.В. Соколова

ДОМОСТРОИТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ШТЕТЛОВ ПОДОЛИИ В ПАМЯТНИКАХ И ПАМЯТИ

Ключевые слова: штетл, еврейское местечко, еврейский дом, домостроительная традиция, практики коммеморации, память, идентичность, полевые исследования

Введение

Большинство названий на ментальной карте довоенного еврейского мира Восточной Европы – это имена *штетлов*. В их число входит любой городок, прошлое которого репрезентировано как еврейское.

В современных исследованиях еврейской культуры на территории черты оседлости Российской империи термин *штетл* нередко выступает синонимом словосочетания *еврейское местечко*. В русский язык термин *штетл* пришел из английского, где был усвоен благодаря книге М. Зборовского и Э. Герцог “Жизнь среди людей: культура штетла”, вышедшей в 1952 г. (Zborowski 1995 [1952]). Авторы собрали и проанализировали интервью с иммигрантами из Восточной Европы, главным образом тех городков, где евреи составляли значительную часть населения, а в пределах городского торгово-ремесленного центра – большинство. На основе этих интервью Зборовский и Герцог создали идеально-типическую модель еврейского культурного пространства, характерного для таких городков. Для обозначения данного конструкта им и потребовался термин *штетл* (от *a штейтеле* – “городок”, идиш).

По мнению Д. Роскиса, “эволюция штетла в заповедный ландшафт достигла своего логического завершения в Книгах памяти”¹ (Roskies 1999: 64). В этой связи Роскис обратил особое внимание на одну из хронологически первых Книг памяти, а именно на Книгу памяти местечка Фельштин². Ее составителям показалось необходимым восполнить отсутствие фотографий им улиц и домов рисунками, выполненными по устным описаниям (Там же: 57–61). Так была создана графическая реконструкция еврейского Фельштина, которая заняла важное место в посвященной ему Книге памяти. Представляется, что потребность в подобных реконструкциях штетла обусловлена тем, что он принадлежит к типу *мест памяти*³, обладающих архитектурно-пространственным измерением.

Репрезентацию штетла, в которой происходит его перемещение на уровень существующего архитектурного ландшафта, можно определить, пользуясь выражением П. Хаттона, как превращение в “видимый ландшафт памяти” (Хаттон 2003: 205)⁴, иными словами как локализацию штетла. Ее можно считать еще одним способом “эволюции штетла в заповедный ландшафт”.

Исследование таких локализаций возможно в настоящее время только в ряде населенных пунктов Винницкой обл. Украины, бывшей Транснистрии⁵. В отличие от других регионов Восточной Европы на этой территории евреям удавалось пережить оккупацию в собственных домах. Их родственникам и соседям, призванным на фронт или эвакуированным, было психологически легче возвращаться в родные места после окончания войны. Здесь многие “еврейские местечки” стали “бывшими” совсем не-

---

Алла Викторовна Соколова – кандидат архитектуры, научный сотрудник, преподаватель Межфакультетского центра “Петербургская иудаика” Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Государственного музея истории религии; e-mail: sok@eu.spb.ru

давно, после массовой еврейской эмиграции 1990-х годов. Местные жители обращаются в воспоминаниях о жизни своего “еврейского местечка” не только к хранимым в памяти архитектурным образам и топонимам, но и к существующим архитектурным объектам, пригодным, по их мнению, для локализации штетла. Таким образом штетл обретает материальную реальность. В роли его памятников выступают как “довоенные”, так и “старинные” здания, в числе последних – “еврейские дома”.

Местные жители отличают их от так называемых украинских/русских мещанских домов и крестьянских хат. Хотя к мещанскому сословию в Российской империи были приписаны как христиане, так и евреи, местные уроженцы называют “мещанскими” дома, характерные для застройки улиц, расположенных на границе штетла и предместья, которое считалось нееврейской территорией расселения. Отличая “мещанские дома” от “крестьянских хат”, информанты определяют их как традиционное “русское”/“украинское жилище”. До недавнего времени в Подолии чаще употребляли первый вариант такого определения, теперь же в данном контексте они используются как синонимы.

Интервью, рассмотренные в данной статье, были собраны в 2004–2008 гг.⁶ в тех же населенных пунктах, где в 1996–2000 гг. мною были проведены натурные архитектурные исследования домов кустарной постройки с выраженной местной спецификой, главным образом “еврейских”.

Интерпретация объектов такого рода предполагает изучение местных домостроительных традиций. В историко-архитектурных исследованиях понятие “традиция” часто играет ключевую роль, хотя его смысл не всегда достаточно прояснен. Необходимо выделить следующие компоненты понятия *домостроительная традиция*: представления о надлежащем устройстве жизненного пространства (дома и улицы), культивируемые в определенном сообществе; его домостроительная активность и практикуемое утилитарное и символическое использование домов, признанных им “носителями” своей домостроительной культуры. В роли ее “носителей” выступают также сами представители этого сообщества. Очевидно, что названные компоненты домостроительной традиции и ее “носители”, находясь в непрерывном взаимодействии, влияют друг на друга. Их взаимодействие и составляет суть домостроительной традиции.

Представляется, что при таком осмыслении понятия *домостроительная традиция*⁷ оно становится полезной исследовательской категорией для интерпретации архитектурного явления, а также связанных с ним социальных практик и репрезентаций. Подобная интерпретация придает осмыслению указанного явления новое измерение, не конкурируя с историко-архитектурным описанием, которое нередко сводится к типологическому анализу архитектурных форм, даже если они рассматриваются как материальное воплощение культурного хронотопа. Подходы, выработанные культурной антропологией, позволяют анализировать интервью с местными уроженцами, в которых упомянуты “еврейские дома”, прояснить некоторые социальные практики бывших штетлов и оценить современное состояние их домостроительной традиции.

Представляя “еврейским” свой “отчий дом”, информанты наделяют постройку ценностью, присущей этнокультурному артефакту. Судя по монографии М.Э. Уильямс, так же поступали и ее информанты: они связывали между собой понятия “отчий дом” и “народное жилище” (Williams 2004). Уильямс анализировала интервью для того, чтобы “определить способы использования и смысл жилища воплощенного в физической форме”, чтобы «“прочитать” здание как культурный артефакт» (Ibid: 3). В фокусе данной статьи находится символическое использование улиц и домов бывших штетлов их уроженцами, т.е. представления и практики, в которых происходит превращение таких архитектурных объектов в памятники “еврейской старины”, востребованные в локализациях штетла.

Перед тем как приступить к описанию подобных практик, следует определить смысловые связи понятий *штетл* и *еврейское местечко*, а также прояснить ту роль, которую сыграл в установлении этих связей административный термин *местечко*.

Метаморфозы термина *местечко*

В пространстве русского языка взаимодействие эпитета “еврейское” с административным термином *местечко* началось в результате его использования властями Российской империи на аннексированной территории Речи Посполитой (1772–1795), где евреи составляли большинство населения малых городов, занятого торговлей и ремеслами. Согласно российским законам того времени, для наименования поселений, признанных городскими, служили термины *город*, *посад* и *местечко* (*Дитятин* 1875: 312). Статус города имели только административные центры губернского или уездного значения. Исключение составляли заштатные города⁸. На аннексированной территории административные учреждения были размещены главным образом в бывших коронных городах, которым был оставлен соответствующий статус. В отличие от них множество частновладельческих городов, находившихся на этой же территории, получили статус местечка и таким образом были лишены права на “особое городское управление”, которое имели города и посады (Там же). Среди местечек оказались и довольно крупные торгово-ремесленные центры, игравшие в экономике губернии более важную роль, чем некоторые уездные города. Лишь те немногие частновладельческие города, в которых было решено разместить административные учреждения для управления уездами, сохранили за собой статус города. Некоторые из таких городов были при этом выкуплены в государственную казну.

Важную роль в осмыслении административного термина *местечко* сыграло учреждение *черты еврейской оседлости*. За ее пределами практически не было заметных торгово-ремесленных центров, которые не являлись бы одновременно административными центрами, обладавшими статусом города. Те немногие казенные торгово-ремесленные поселения, которые не использовались властями Российской империи для нужд административного управления, имели статус заштатного города или посада, а в частном владении находились почти исключительно сельские поселения. Таким образом, едва ли не все торгово-ремесленные центры, имевшие статус местечка, оказались сосредоточены в черте оседлости. Не удивительно, что в контексте этнографического описания черты оседлости определение *еврейское* в отношении термина *местечко* казалось избыточным.

Евреи составляли подавляющее большинство населения торгово-ремесленных центров и в уездных городах, и в местечках черты, но в качестве типичного еврейского городка, стиль жизни которого был всецело определен еврейскими обычаями и традициями, выступило именно “местечко”. Таковым оно виделось и русским путешественникам, осматривавшим достопримечательности на территориях, входивших в черту оседлости (*Соколова* 2006: 406–415), и участникам первой еврейской этнографической экспедиции под руководством С.А. Ан-ского⁹. Барону В.Г. Гинцбургу, финансировавшему ее, Ан-ский писал: “все это время мы непрерывно разъезжали по самым глухим местечкам”, хотя ниже в том же письме указывается, что экспедиция побывала в “8 уездн[ых] городах и 17 местечках” Волынской губ. (*Листування* 2006: 447).

В 1920-е годы термин *местечко* был исключен из административного словаря¹⁰, но это не привело к выходу из употребления слова *местечко* и словосочетания *еврейское местечко*. Советские публицисты продолжали писать о “наущных проблемах еврейских местечек”. Они были осмыслены как препятствие, мешавшее “ликвидации еврейской отсталости и бедности” и “строительству нового еврейского мира”¹¹. “Захолустное местечко” оставалось объектом этнографических исследований (*Тан-Бого-ролз* 1926: 7). Первым, кто дал профессиональную оценку архитектурному своеобразию рядовой застройки штетлов, был искусствовед Д.М. Щербаковский¹². Он заметил, что “в характере застройки правобережного местечка отчетливо ощущается влияние немецкого города”, что “все разнообразные типы местечковых построек несут на себе сильный отпечаток западноевропейской культуры” (*Щербаківський* 1927: 192–195).

Рассуждения автора не оставляют сомнений в том, что распространение этого влияния он усматривал в облике застройки, характерной для “еврейского местечка”, т.е. местечкового торгово-ремесленного центра.

После окончания Второй мировой войны изучение “еврейских местечек” в СССР было прекращено по идеологическим причинам. Только к началу 1990-х годов бывшим “местечкам” был возвращен статус “хранителя традиционной культуры, выполнявшего у евреев ту же роль, которую у других народов играла деревня” (Юхнева 1992: 80). В это время на территории бывшей черты оседлости был возобновлен поиск еврейского архитектурно-художественного наследия. Исследователи, включая автора этой статьи, искали “еврейское местечко” как “самобытную еврейскую традицию”, но не “живую”, т.е. хранимую в памяти местных уроженцев (такой способ передачи традиции был признан навсегда утраченным), а застывшую в виде надгробий, синагог и так называемых еврейских домов. В архитектурно-художественных формах таких объектов были усмотрены связи со средневековой художественной культурой ашкеназов (Хаймович 2000: 89–90) и европейской городской цивилизацией (Соколова 2000: 59).

Натурные архитектурные исследования домов кустарной рядовой застройки XIX – начала XX в., на которые местные жители указывали как на типичные еврейские дома, были проведены мной в 1996–2000 гг. в населенных пунктах Винницкой обл., числившихся до административной реформы 1923 г. местечками или городами, уездными или заштатными. В статьях, обобщивших результаты этих исследований, был введен термин *штетл*¹³. Он позволил определить торгово-ремесленного центр еврейского местечка как этнический анклав (Sokolova 2000: 36–79). Именно его границы, а вовсе не административные границы поселения были осмыслены местными уроженцами – и евреями, и неевреями – как пределы “города” и одновременно территории, где “в старину” компактно проживали евреи (Sokolova 2005: 130–159).

Что такое “еврейский дом”: “народное жилище” или архитектурный памятник штетла

Сравнение архитектуры домов, характерных для кустарной застройки территории штетла, и современных им домов, расположенных на его границе с предместьем, которое признано исключительно украинской территорией расселения, показало, что архитектурные формы тех и других формировались в рамках разных домостроительных традиций. В этой связи намеченная Зборовским и Герцог исследовательская перспектива, в которой мир штетла предстал замкнутым пространством традиционной еврейской культуры, оказалась продуктивной, так как позволила определить границы распространения домостроительной традиции штетла.

Парадоксально, что Зборовский и Герцог использовали подробные описания улиц и домов для того, чтобы обосновать свой тезис об отсутствии в штетле домостроений, которые заслуживали бы статуса памятников “еврейской” архитектуры. Они писали: «Не существует “еврейской” архитектуры. Здания характеризуются их возрастом и убожеством. Сравнение их состояния с более ухоженными крестьянскими домами наводит на мысль о привычном контрасте между городскими и сельскими домами в поразительно бедных областях Восточной Европы. Самый бедный крестьянин тратил свое свободное время, пытаясь обустроить свой дом, чиня дверь или изгородь, беля стены. Для представителя городской бедноты плачевное состояние дома было в порядке вещей, находящемся за рамками его юрисдикции» (Zborowski 1995: 61–62).

Какой бы смысл ни вкладывали Зборовский и Герцог в термин “еврейская” архитектура, их аргументация неубедительна. Именно аргументация, а не вывод, если понимать его как утверждение об отсутствии специфического набора приемов архитектурно-строительного ремесла, который мог бы сам по себе служить исследователям

критерием определения совокупности объектов, составляющих еврейское архитектурное наследие в Восточной Европе. Используя приведенные доводы, Зборовский и Герцог могли бы с таким же успехом усомниться в том, существует ли в “бедных областях” Восточной Европы “городская” архитектура.

Если же понимать вывод Зборовского и Герцог как отрицание ценности архитектурного наследия штетла, то оно дезавуировано самим обращением этих авторов к различным архитектурным фактам, связанным со штетлом, в том числе и к домам его рядовой застройки. Зборовский и Герцог упоминают, что главная улица штетла “могла быть вымощена булыжниками, уложенными такими, какими они были найдены, без какой-либо попытки сгладить их”, или о том, что “несколько зданий могли быть двухэтажными, другие – облупленными одноэтажными строениями, некоторые – с двором или маленьким огородом, окруженным изгородью, часто сломанной” (Ibid: 61).

Это описание позволяет судить о семантике архитектурного образа штетла в памяти информантов Зборовского и Герцог. Представляется, что упомянутая сломанная изгородь фигурировала в воспоминаниях как символ разрушенного еврейского мира. К подобным символам следует отнести и покосившуюся створку полуоткрытой форточки, о которой упомянул в рассказе о еврейском Шаргороде¹⁴ местный житель, обеспокоенный тем, что дом соседей-эмигрантов остался без присмотра. В его словах “*Может быть, если ее ровно прибить, это будет уже не еврейский дом?*” слышен грустный скепсис относительно “возрождения еврейской жизни” в Шаргороде.

Зборовский и Герцог не стремились осмыслить подобные рефлексии. Мне они представляются заслуживающими особого внимания хотя бы потому, что проясняют символический ресурс, накопленный архитектурной средой штетлов¹⁵, т.е. всей совокупностью архитектурных объектов, связанных между собой в представлениях местных жителей о неопределенно далеком прошлом. В интервью оно обычно обозначено словом “старина”.

Информанты часто репрезентируют стиль повседневной жизни “еврейского местечка” через визуальный облик “старых” улиц и домов как уцелевших, так и разрушенных. В число таковых могут быть включены постройки разного времени, запечатленные на “старых фотографиях”.

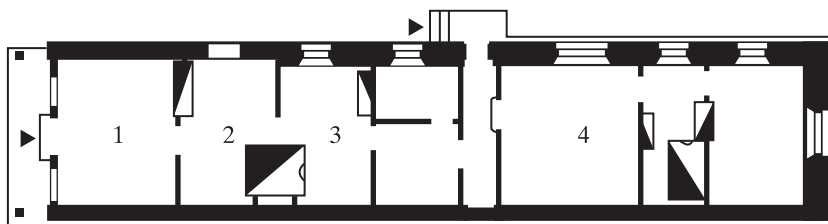
Собиратель: *А вот по центральной улице кто жил, как?*

Информант: *По центральной... – тут один продавал, жалко уже афишу сняли. Продавал старые фотографии города Тульчина¹⁶... (Tul_05_102, 1).*

Всем, кто интересуется жизнью “еврейского местечка”, информанты прямо рекомендуют отправиться туда, где “*может быть, вы где-то в местечках <еще можете увидеть>, еще есть старые дома*” (Tul_05_060, 2), где “*еще стоят эти старые домики, эти халупы старые, ... так там вот жили... евреи старые, но это было еще... при царе Горохе было*” (Tul_05_107).

По общему мнению, рассматривая такие дома можно окунуться в “старину”, “увидеть” ее, словно окружающий мир, обладающий материальной реальностью. Такое “видение” местных уроженцев доказывает, что домостроительной традицией штетлов Подолии были “канонизированы” дома, обладающие определенной архитектурной формой. Эти дома были предназначены, в первую очередь, для обеспечения торгово-ремесленной деятельности и только затем для проживания владельцев (см. фото и план ниже).

Как уже было отмечено выше, рассмотрение архитектурных особенностей домов посредством изучения их утилитарного и символического использования, находится в иной плоскости, нежели исследования, связанные с типологическим анализом *народного жилища*. Поэтому нет нужды прибегать к дисциплинарным рецептам, выработанным историей народного зодчества и этнографией в XIX – начале XX в., например, к поэментному сравнению “еврейского жилища” с украинским, и тем более к разгадыванию еврейских “секретов народного творчества” в области строительного мастерства. Этот путь от начала и до конца был пройден в XIX в. путешественниками и

в

г

Дом XIX в. в Черновцах: а – вид на уличный фасад, б – вид на тыльный фасад, в – план наземного этажа (1 – лавка, 2 – спальня, 3 – кухня, 4 – квартира для сдачи в наем), г – план подвала

исследователями, которые осматривали города и местечки черты оседлости в поисках этнической экзотики (Соколова 2006: 406–415).

Единственным из известных мне авторов, кому удалось поставить под сомнение суждение М. Берлина¹⁷ о “еврейских жилищах” как “в сущности, ничем не отличающихся от местных <жилищ> того края, где они <евреи> поселены” (Берлин 1861: 9), был Н.И. Зуц – поручик 45-го пехотного Азовского полка. (Так он представился читателю на титуле своей книги, посвященной описанию города Староконстантинова¹⁸.) Чтобы заявить о такого рода отличиях “еврейского жилища”, следовало разгадать ев-

Дом XIX в. в Черновцах

рейские “секреты строительного мастерства”. Только это могло служить твердым основанием для суждений о существовании “еврейского жилища” как произведения еврейского “народного зодчества”. Зуц сумел найти необходимый аргумент для такого вывода: обычная уличная грязь в его эссе была определена как что-то вроде секретного еврейского строительного материала. Посвятив читателя во все тонкости конструкций “еврейского дома”, автор отметил, что не глина, а та “навозная грязь, которая составляет настоящую стихию городских улиц”, играет роль обмазки стен еврейских домов, которые “со временем приобретают даже свойства хорошо оштукатуренных построек” (Зуц 1884: 36).

Один из моих информантов, обладатель современной квартиры в Могилеве-Подольском, мог бы добавить к секрету, разгаданному Зуцем, еще один. Представив свой собственный старый дом (доставшийся ему в наследство от двоюродного деда) в Черновцах¹⁹ типичным образцом застройки “еврейского местечка”, этот информант обратил особое внимание не только на “грязь”, но и на чудесные “столбы”: “... Дома ветхие, с болота [от блате (идиш) – грязь] там, с соломой, вальки назывались... Вальки – они слеплены были с болота. Глинобитный, глинобитный дом... Вот эти столбы – так они строили. Че они так, я уже удивлялся. Можно было как-то сделать, чтоб эти столбы туда <наружу> выступали... Но... дуб такой <из которого эти столбы сделаны>, причем живой дуб... он сколько лет уже – живой» (Chern_05_01).

Историк архитектуры, усмотревший в упомянутых “столбах” отголоски фахверка, попытался бы определить генезис предьявленного конструктивного решения, чтобы вписать еще одну страницу в историю уникальных достижений народного зодчества. Мне представляется более интересным сосредоточиться на репрезентациях угасающей домостроительной традиции штетлов Подолии ее “носителями”.

Превращение “старинных” домов в “еврейские”

По-настоящему “старыми” – “старинными” принято считать дома, возведенные кустарным способом с применением материалов, которые уже не используют в строительстве. В архитектуре таких домов местные жители, а за ними и исследователи, склонны искать этнически обусловленные особенности, в том числе и “еврейские черты”.

СобираТЕЛЬ: *А вот по вашему дому, например, можно сказать, что евреи строили?*

Информант: *Можно.*

Собиратель: *А как?*

Информант: *Старый дом сильно. Старой постройки.*

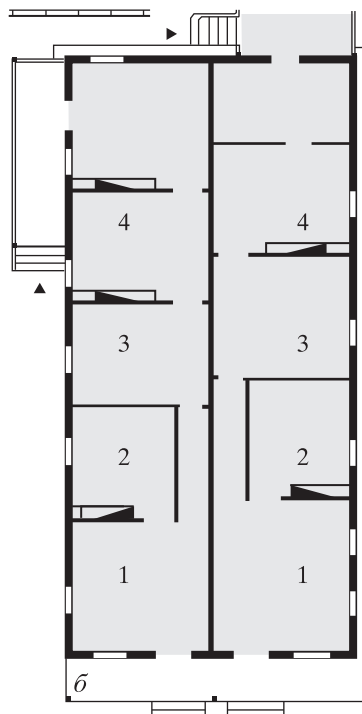
Собиратель: *Если старые, значит, еврейские сразу?*

Информант: *Да... Ну и такие длинные, здоровы дома еврейские, понимаете... Бо так украинцы, они строили такие маленькие, а то длинные дома они <евреи> строили на две, на три же семьи. Да. У них были... ходов богато было – два, три, четыре ходив, а украинцев цего-цих ходов не було. Може тики в цим отличие. Вот, например, мой <дом> мае три выхода. Туда, туда и туда ще такой ход, что можно тикти, побачте...*

Собиратель: *Тикти. А зачем им убежать?*

Информант: *Ну побачьте, штось на евреев, так то было, я знаю, чи они може таки розумны, шо они сэбэ робили такие хода, что можно было при случае необходимости... Обычно ж за ними было гонение постоянно. Счас же были эмиграции еврэй. То може, по-видимому, из-за цего. Они так строили сэбе дома, что можно было... другим ходом, и не будеш бачити – знать. Так. А украинцы с одного входа (Tu1_05_090).*

Подобные описания многочисленных “ходов”, как специфической черты “еврейских домов”, характерны и для других информантов. Представление о том, что число и местоположение входов-выходов в значительной степени определяют принцип пространственной организации архитектурных объектов, обусловлено опытом их утилитарного и символического использования, который накоплен любой культурной традицией. Не удивительно, что архитектурное решение, соотнесенное с еврейской домостроительной традицией, украинка, уроженка Жванца²⁰, интерпретирует, сравнивая с решением сходных задач в иной, местной традиции, к носителям которой она себя причисляет.

Дом начала XX в. в Бершади. Фото 1995 г. *а* – вид на уличный фасад, *б* – план дома (1 – лавка/прихожая-гостиная, 2 – спальня, 3 – спальня, 4 – кухня)

Собиратель: *А отличались еврейские дома?*

Информант: *Отличались. У них всегда спереди балкон. Балкон, вот эти, значит, колонны и навес. Там всегда было чаепитие. Самовар ставился, и там всегда соседи... И они чем отличались, тем, что они <рядом>, у нас – чем подальше друг от друга, чем повыше забор, чтоб нас никто не бачил, сосед соседа, а там нет, а там чем поближе. Вот так как рядом видите вот дом, так вот. Всё рядом и всё близко. У них всё близко, вместе, да. С одной стороны – хорошо. Вот у меня соседке было плохо, она упала во дворе и никто не видит, а ей плохо. <Евреи> дружнее, дружнее были, да... (ZhV_04_01).*

В приведенных выше интервью отмечены ключевые особенности пространственно-планировочного решения “еврейского дома”. В первом кроме наличия как минимум двух входов-выходов (парадного входа с улицы и черного выхода в переулок) – вытянутый объем здания, нередко представлявшего собой блок из нескольких домов-квартир; во втором – раскрытие дома на улицу, обеспеченное отсутствием забора и наличием “балкона” – галереи, которая играла роль переходного пространства между улицей и домом (см. рис. и план выше).

Эти и другие архитектурные особенности домов рядовой застройки торгово-ремесленного центра, как и ее высокая плотность, по сравнению с предместьем, интерпретируются местными жителями, евреями и неевреями, как прямое следствие стиля жизни, естественным образом присущего еврейскому сообществу.

Собиратель: *Вообще евреи жили все вместе?*

Информант: *Все годы привыкли. Друг коло друга – метр. Я тебе <ночной> горшок на ступеньки <вилью>, ты мне горшок на ступеньки. Все годы так строили дома.*

Собиратель: *Почему так не рассказывали?*

Информант: *Евреи всегда кучкуются, так поэтому (Shar_05_02).*

Многие дома на торговых улицах представляли собой блок двух анфиладных систем помещений, каждая из которых была автономным домовладением.

Собиратель: *А бывало, чтобы сторонние люди жили под одной крышей?*

Информант: *Обязательно, очень многие. Если дом длинный, так у него три комнаты и у соседа три комнаты или четыре.*

Собиратель: *И стена общая получается?*

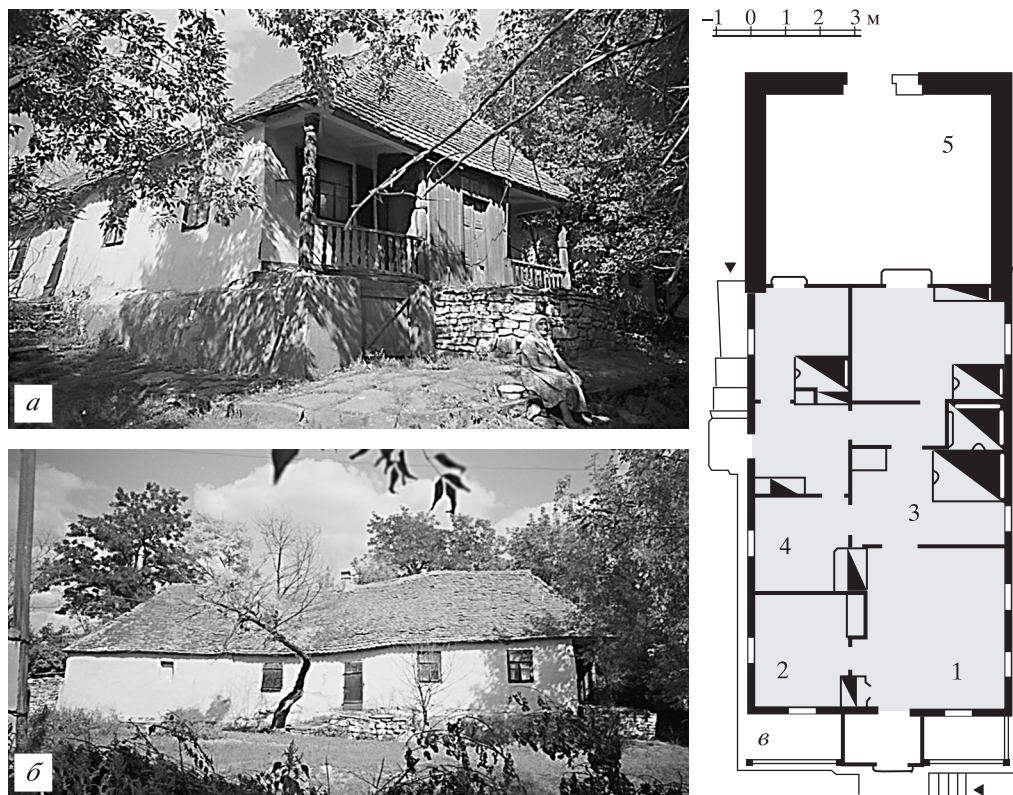
Информант: *Ну да, стена общая.*

Собиратель: *А почему так строили?*

Информант: *Так всегда строили (Shar_05_02).*

В “Замечаниях о евреях” из этнографического и статистического очерка Юго-Западного края (1849 г.) отмечено: “скученность их ведет к той замкнутости, которая поражает наблюдателя”²¹. Тот же образ присутствует в рассказах информантов. Термин *город* нередко используют для определения замкнутого пространства, похожего на суд. Если речь идет о еврейском местечке, такой сосуд обычно представляют наполненным до краев. Именно так выглядит уездный город Балта²², если его представляют “еврейским местечком”: “В то время да, ...Балта была еврейское местечко, до революции особенно. Я помню детство свое здесь: одни евреи были практически, – вечером город заполняли...” (Bal_06_018).

“Еврейское местечко” – городок, центр которого считался еврейским, потому что на его относительно небольшой территории евреи составляли большинство населения²³, т.е. были “скупенны” так же, как их дома. В современных репрезентациях штетла присутствует та же формула, которую использовал Шолом-Алейхем для описания своего вымышленного еврейского местечка Касриловки: “множество лачужек, одна на другой” (Шолом-Алейхем 1960: 283–284). Например, на вопрос о том, почему в центре Шаргорода селилось мало украинцев, его уроженка (1929 г.р.) ответила следующее: “Тут почти не было, все <украинцы строились> в окраинах. Каждый старался иметь огород, сад, а тут у нас как же было, дом на домишке стоял, свободной площади-то не было” (Shar_01_05).

Дом XIX в. в Озаринцах: *а* – вид на боковой фасад, *б* – вид на уличный фасад, *в* – план (1 – прихожая/гостиная, 2 – спальня, 3 – кухня, 4 – детская, 5 – внутренний двор, расположенный под общей крышей с отапливаемыми помещениями).

Зборовский и Герцог дали описание самых маленьких “домишек”, как наиболее характерных для штетла. Они особо отметили, что нередко в “одном помещении <такого дома> происходило все: там готовили еду, стирали, чинили одежду, воспитывали детей, учились, даже портняжничали и тачали сапоги” (Zborowski 1995: 362).

Первую со стороны улицы комнату, как и сам небольшой дом, информанты называют *штибл* (букв. “домик”, *идиши*)²⁴. Уроженка Озаринцев²⁵ представила так первую комнату своего родного дома, несмотря на то, что кроме нее в этом доме имелись еще спальня и детская (см. фото и план выше).

Информант: *Вот такие были, старинные домики, но очень удобные... и все почти по одному, по одному проекту. Вот заходишь: передняя большая комната... – а штибл, это было тут, где зала, – а зал [зал]. Это была первая, а потом сбоку всегда была спальня, а потом кухня, а возле кухни обязательно была еще одна комната.*

Собиратель: *А зачем?*

Информант: *Это было для стариков или детская, но <устраивали так> чтоб возле кухни всегда одна комната, а дальше еще шел сарай (Mog_04_03).*

Интервью такого рода не позволяют судить об архитектурно-строительной практике того времени, когда упомянутые в них дома были построены, но содержат суждения о правилах расположения помещений “еврейского дома” и их функциональном назначении.

Обстановка первой комнаты одного из типичных домов еврейского Шаргорода, сохранившаяся без особых изменений с довоенного времени до 1994 г., позволила убедиться в том, что некогда она служила не только гостиной, но и парикмахерской. Хотя

владелец дома давно перестал заниматься своим ремеслом, специальное кресло для клиентов занимало прежнее место у окна на улицу.

Вероятно, даже в то время, когда занятия частным предпринимательством были запрещены, “финотдел ходил под окна смотреть: шьет – сажали за это” (Shar_05_02). Первая комната сохраняла публичный характер потому, что она, как правило, служила не только для торгово-ремесленной деятельности, но и как прихожая-гостиная. Судя по интервью с уроженкой Бершади²⁶, ее семья использует первую комнату именно так.

Информант: *Как можно было жить вот в этих двух клетушках и в той, я не представляю.*

Собиратель: *Но эта <первая> довольно большая комната...*

Информант: *Мне... мы, например, уже <нам тесно>, может <наши запросы> уже более высшая ступень какая-то. Тут у меня дочка <живет>, тут дети были; мы <с мужем> – там; там у меня есть еще одно место, где отец мой был... понимаю. А та комната <первая>, там люди пришли, – мы <их принимаем>. Ну как-то я не знаю...* (Ber_08_032).

Дом, состоящий из четырех комнат и кухни, признан тесным для семьи из трех взрослых и двух детей, хотя такие жилищные условия в советское время считались удовлетворительными. Хозяйка дома утрирует, называя клетушками комнаты по советским меркам вполне обычного размера, например, спальню около 7–8 м². Возможно, причина этого заключается в представлениях информанта о том, что “теснота” – непереносимый атрибут “еврейского местечка”. Не случайно она начала свой рассказ со следующих замечаний: “Тут дома как шли, – друг к дружке врптык. Почему скученность была: во-первых, ...как обычно же, как резервация. Все поселения еврейские, все как резервация”.

Собиратель: *А здесь всё евреи жили?*

Информант: *Да, здесь всё... всё... жили и... друг к дружке. Во-первых, экономия стройматериалов, в то время <экономно жили>. Во-вторых, теплее. А в-третьих, если погромы, то... как-то вместе, вместе спастись* (Ber_08_007).

Показывая свой дом как единственный уцелевший образец старинного, уже утраченного строительного мастерства, информант акцентировала внимание на том, что и уход за таким домом, и проживание в нем требуют специальных навыков.

Собиратель: *А здесь остались какие-то вот еврейские старые дома?*

Информант: *Вот по сути дела мне кажется, что наш один вот этот <наш>. Это типичная постройка еврейская.*

Собиратель: *Вот этот?*

Информант: *Да, я вам сейчас покажу. Это типичный еврейский дом. Во-первых, глинобитные... деревянные стены – из глины, из соломы. Это самое что ни на есть дефицитное на сегодняшний день на западе. Это вот мы заделывали, а заделывать сейчас очень сложно, потому что этой половы, плева от пшеницы, пшеничная ржаная плева, видите, так ее сейчас нету. Это держу, у меня <припасено>..., потому что если коснись ремонт, то только таким вот образом <можно исправить>* (Ber_08_007).

Эта женщина бережно относится к своему жилищу не только потому, что высоко оценивает экологические характеристики деревянно-валькованных стен. Для нее важно содержать в порядке “отцовский дом”. Она отмечает: “Это дом отца. Это у нас... я даже не знаю, как Вам сказать... по-украински – это батькивщина, родина отцовская. Здесь бабушка моя жила по отцовской линии...” (Там же).

И все же особой ценностью этот дом обладает потому, что, по мнению его владелицы, является “типичным еврейским домом”, сохранившим свое планировочное решение без изменений. “...И типичное расположение комнат, я вам покажу, мы пройдем... Вот это по сути дела один наш дом, а с той стороны даже такое крылечко... Но снаружи мы обложили кирпичом, потому что проблематично было его ремонтировать, – глина размокает от дождя, от снега, от перепада температур... и сложно было. То мы кирпичом обложили дом, но это типичный, типичный еврейский...” (Там же).

Дома конца XIX в. в Бершади с галереями, которые принято демонстрировать как типичный элемент “еврейского дома” (а – фото 2008 г., б – фото 1998 г.)

Крыльчком названа галерея, расположенная вдоль уличного фасада, которую принято демонстрировать как типичный элемент “еврейского дома” (см. фото выше), но наиболее важная его особенность, по общему мнению, выражена именно в “планировке”. Об этой особенности упоминает и уроженка Шаргорода.

Собиратель: *Сколько в доме было комнат у вас?*

Информант: *Там у нас две и кухня.*

Собиратель: *А была какая-то комната парадной, или они были одинаковые?*

Информант: *Нет, спальня была меньше, а передняя комната, прямо... у нас была такой: сейчас на крыльцо и зайти с улицы прямо <в комнату> (Shar_01_04).*

Согласно Зборовскому, дом с двумя комнатами и кухней – типичный “небогатый” дом (Zborowski 1995: 361). В таком доме только та комната, которую называли спальней, могла быть хотя бы номинально приватной. В приведенном выше интервью публичность “передней” комнаты может быть неправильно понята как свидетельство о неблагополучии или бедности дома. На первый взгляд, совсем иначе был устроен дом, который фигурирует в воспоминаниях Е. Райзе²⁷ о детстве, проведенном в Винни-

це, где он родился в 1904 г. Автор подробно описал планировку дома, принадлежавшего семье его деда со стороны матери. В этом доме было четыре комнаты и кухня. “Вход с улицы вел через маленькое открытое крыльцо... прямо в первую комнату” – *дерех-циммер* (“проходная комната”, *идиш*), где “принимали гостей, на ночь укладывали спать приезжего” (Райзе 2005: 31). За этой комнатой находилась столовая, за ней – коридор, который вел мимо двух спален на кухню, из нее был выход в сени и на двор. Публичный характер первой комнаты отражен в названии и подчеркнут словами “с улицы прямо”, которые использовала и уроженка Шаргорода, интервью с которой приведено выше.

Из описания функции такой комнаты, данного Райзе, следует, что она соответствовала высокому социальному статусу владельцев дома. Возможно, описание информантом подобного устройства первой комнаты своего родного дома следует понимать как своего рода свидетельство о соответствии образа жизни семьи культурным нормам еврейского сообщества. Тогда в рассказах о такой комнате можно расслышать некоторую гордость женщины за свой родной дом.

Сохранение вплоть до недавнего времени за первой комнатой функции публичного пространства можно объяснить не только характерным для штетла стилем жизни, предусматривающим тесное общение с соседями (по словам одного информанта “в местечке все жили по-соседству”), но и специфическим пространственно-планировочным решением домов штетла, обеспечивающим их “прямую” связь с улицей. Только отказавшись от парадного входа в дом с улицы в пользу бывшего черного хода из переулка или с заднего двора, владельцы таких домов могли “разорвать” эту связь. В настоящее время такое решение стало правилом, наверное, потому что “еврейские улицы” остались в прошлом.

Преобразование обыкновенных улиц в еврейские

Улицы торгово-ремесленных центров бывшего “местечка”, как и характерные для их застройки дома, признаны бывшими еврейскими. В недалеком прошлом лучшим способом репрезентации этих улиц как еврейских являлись “ежевечерние гуляния” и “посиделки”, в настоящее время – рассказы о них.

Информант: *Ну, они... заведено было, девочки, обычно подруги, и так гуляют вверх вниз, с ребятами, без. А старые люди сидят на... как по-еврейски, – призьбыс (мн. ч. от призьбе (идиш) – призьба). Ты знаешь, что такое призьбыс? Сидят и... вот: “это та пошла, это та пошла”, знаешь, как начинают обсуждать... Это обязательно, что еврейки сидели...*

Собиратель: *А там, в центре, разве жил еще кто-то?*

Информант: *А они <неевреи, жители предместий> приходили... Они приходили и садились там, где еврейские дома на этих <призьбыс>. Выносили им стулья и скамеечки – все ... Обязательно ... на что-то же нужно сесть. И так во всю длину <улицы>, они так сидели с обеих сторон и смотрели, как молодые гуляют (Shar_05_02).*

Практика “меблировки” улиц стульями и скамеечками определена информантом как культурная норма: маркирована в его речи словом “обязательно”. В этой практике было актуализировано восприятие пространства улицы как внутреннего. Архитектура домов, типичных для застройки штетла, способствовала такому восприятию: например, галереи, наземные или поднятые на цоколе, расположенные вдоль фасадов под широким выносом крыш, придавали улице интерьерный характер.

Подчеркивая публичный характер улицы, информант упоминает о призьбах, как об атрибуте “еврейского дома”, архитектурном и социальном одновременно. У многих домов, которые до недавнего времени придавали улице, упомянутой в интервью, особый колорит, призьба, т.е. цоколь, слишком высок, чтобы служить скамьей. Собравшиеся сидели на стульях и скамеечках. Упоминание о призьбах потребовалось информанту для того, чтобы представить “старинными еврейскими” и дома, расположенные на главной улице Шаргорода, и саму эту улицу.

Брошенный дом XIX в. в Шаргороде (а – фото 1993 г., б – фото 2005 г.)

Уроженец Тульчина противопоставил домам с призьбами, формирующим пространство “еврейской старины”, городской сад – место советского “культурного отдыха”.

Информант: *Вообще до войны был очень культурный город. Что там имеется, особенно после войны вот, здесь было, в городском саду было, специально сделали для танцев... Молодежь <собиралась>, духовой оркестр играл... Люди вот это, которые сидели тут в домах вот, – они все в парке были... Старые люди, что им было делать? Сидели на призьбах и басни рассказывали, сплетнями занимались.*

Собиратель: *Это когда?*

Информант: *Это до войны вот. А потом люди стали <ходить> ...ходили туда <в городской сад> – смотреть... Там скамейки были, сидели и гуляли... (Tul_05_060, 1).*

Из интервью с уроженцами Тульчина следует, что пространство “еврейской старины”, определенное таким укладом жизни, который включал посиделки на призьбах “маленьких домиков”, но не времяпрепровождение в городском саду, лучше сохранялось на улицах так называемой Капцановки. На идише *капци* – “бедняк”.

Судя по интервью, территория Капцановки не определялась какими-то конкретными кварталами, но ее центром и прародиной признана *Капцунивке-гос* (Бедняцкая улица). Она играла эту роль из-за специфических особенностей застройки кварталов, прилегающих к Старому рынку, которые, после того как в Тульчине в конце XVIII в. появился Новый рынок, постепенно превратились в трущобы.

Капцановка – это потаенный еврейский мир Тульчина, уцелевший за пределами той части территории его торгово-ремесленного центра, которая постепенно была оккупирована официальной советской культурой. В отличие от главной улицы Тульчина, которая утратила свое еврейское имя (в настоящее время *Главнэ-гос* называют только улицей Ленина), *Кацунивке-гос* его сохранила: “*Она называлась Пролетарская улица для государства, а для нас она – Капцановка*” (Tul_05_087).

Население Капцановки состояло из людей разного достатка, не способных или не стремившихся усвоить культурные инновации. Важными полюсами жизненного пространства этого слоя населения оставались синагоги, которые в советское время нелегально размещались в частных домах. Внутри и вокруг этих синагог происходили общественно значимые события “еврейской жизни”, которые были исключены из официальной публичной сферы.

Если кто-либо из информантов хотел описать особый уклад жизни, присущий Капцановке, он, как правило, вспоминал о характерных для нее домах рядовой застройки: “*та Капцановка была... такая вот такой, теперь нет этих домов – перестроили*” (Tul_05_087). Капцановка – своего рода задворки *Главнэ-гос*, “*самый загород*” (Tul_05_057) – тем ни менее вовсе не оказывалась в числе предместий Тульчина, так как являлась важной частью собственно “еврейского города”. Осмотр Капцановки, “*интереснейшего района Тульчина*” (Tul_05_057), начинается на любой улице, где уцелел *старый* дом с призьбой, с пристройкой, с верандочкой/галереей или с лавкой-мастерской в цокольном этаже. Это вполне оправданно, потому что признанные атрибутом Капцановки столетние *халуны*, разрушенные во время войны, обладали типическим сходством с современными им домами, построенными на других улицах Тульчина.

Собиратель: *А вот в Капцановке какие дома были, вы не помните?*

Информант: *Обыкновенные... То были такие дома, как у меня <на улице Ленина>... (Tul_05_037).*

Построенные кустарным способом дома, архитектура которых отвечала условиям более просторной застройки, нежели та, которая была свойственна кварталам торгово-ремесленного центра, сложившимся в XVIII–XIX вв., информанты определенно относят к нееврейской домостроительной традиции. Такое суждение было высказано, например, евреем, уроженцем Тульчина. Вспоминая о родном доме, он подробно описал его планировку и упомянул, что при этом доме “дворик был – восемь соток земли, будка собачья, клумба с цветами”. Ответ, который этот информант дал на вопрос “*Еврейский дом в планировке что-то отличало?*”, удивил: “*Там, где мы жили, там не было различий*”.

Собиратель: *Не было различий?*

Информант: *Нет. Дальше были дома, где жили украинцы русские, но такого же типа <как наш дом>. Капцановка – там отличалось да, там, где они <другие – “старые евреи”> компактно жили (Tul_05_036).*

Информант не считал возможным представить архитектурным памятником “еврейской старины” свой почти 100-летний дом, потому что с архитектурной точки зрения он не характерный для застройки штетла.

Памятники “еврейской старины” и ее “хранители”

Множество домов, построенных в XIX – начале XX в. в соответствии с домостроительной традицией штетлов, было брошено их хозяевами, не сумевшими перед эмиграцией найти покупателя, который заплатил бы за дом приемлемую цену. Даже дома, расположенные на главных улицах местных районных центров, нередко обречены на разрушение и снос. Состояние брошенных домов вызывает у местных евреев беспокойство, иногда выраженное в достаточно острой форме: “*Нельзя разрушать*

еврейские дома, это большой грех. Приезжают и смотрят... Замки висят, ставни закрыты, двери закрыты, а внутри, люди говорят, что ничего нет. Это страшно... И хорошие крыши – можно жить” (Shar_04_01).

Крыши у большинства этих домов давно прохудились. В настоящее время и крыши, и дома нередко служат лишь для локализации штетла. “Диалог” между местными жителями и такими домами, который был основан на их утилитарном использовании, давно прерван. В отличие от некоторых синагог “еврейские дома” не отмечены табличкой “Охраняется государством”. Тем не менее все местные уроженцы репрезентируют их как ценные памятники “старины”, которые позволяют представить, как выглядело “настоящее еврейское местечко”.

Превращение домов, признанных памятниками “еврейской старины”, подкреплено широко распространенным представлением об особой приверженности евреев своим “обычаям и традициям”.

Собиратель: *А печку ломать это как-то...*

Информант: *Не положено, но делали...*

Собиратель: *А что это значит: не положено?*

Информант: *Ну не положено, так... в Тойре так написано, что нельзя старинное вот это, именно вот печку нельзя... Обычай есть обычай. Что-то говорят, значит, что-то оно есть... Недаром же пишется в Тойре, что... что нельзя делать... (Mog_04_04).*

Представление о евреях как о “хранителях старины” свойственно и тем, кто считает, что сам “не соблюдал обычаев”, а также тем, кто думает иначе. Считая, что унаследовала вместе с домом и навыки его ремонта, интервьюируемая гордится этим не меньше, чем самим домом. Она вовсе не пытается представить его произведением исключительно еврейского строительного ремесла.

Информант: *Ну это не сугубо еврейские дома, когда-то и в деревнях так дома ставили. Из такого материала... Кирпича не было. ...Это не только характерно <было> для еврейских местечек, – просто в еврейских местечках оно все осталось. Почему, потому что мы берегли... Когда здесь население были евреи – дома..., берегли эти дома. Их постоянно чинили, постоянно реставрировали (Ber_08_032).*

Те евреи, которые, проживая в ветхом доме, либо не испытывают потребности, либо лишены возможности его перестроить или отремонтировать, нередко интерпретируют свое отношение к дому как готовность терпеть неудобства ради сохранения наследия прошлого: “Нет, по еврейскому обычаю, по-моему, там, где стоит печка, она должна стоять... Там, где русская печка... у меня вот русская печка, я ее не выбрасываю, это уже поселились русские, они купили еврейские дома, они все перекручивают как хотят, а мы – нет” (Shar_04_01).

Признание столетних домов примитивными, не пригодными для проживания застройщиками, нередко обусловлено потребностью информантов установить дистанцию, которая позволяет эффективно использовать их для мысленной реконструкции местной “еврейской старины”, не возобновляя прежнего полноценного “диалога” с такими домами (Соколова 2008: 58–62).

Информант-1: *Вот видите – первый. Вы такого не видели – это шедевр... сейчас вам еще покажу. ...Такого вы еще не видели. Кстати, его снимали в фильме каком-то, Киевская студия. Вот это еврейский домик тоже – завалюха.*

Информант-2: *Это чисто еврейский домик.*

Информант-1: *Это чисто еврейская архитектура. У него... на телевидение фотографировали. Ему 100 с чем-то – 150 лет. Тут жестяная была мастерская.*

Информант-2: *Приезжали с Америки, раввин, мой сын, <увез> фотографии в Америку... (Tul_05_057, 1,2).*

Визиты любителей “еврейской старины” и ее исследователей актуализируют связь между понятиями “еврейское” и “старинное”. Можно заметить, как успешно такие

Дом XIX в. на ул. Пушкина (интервью Tul_05_057) в Тульчине. Фото 1998 г.

визитеры вместе с местными жителями “эксплуатируют прошлое, как будто это еще одна страна”²⁸. Это не особенно способствует физическому сохранению архитектурных памятников “еврейской старины”, но, расширяя их круг, тем самым порождает все новые практики коммеморации прошлого.

Вместо заключения

До 1910-х годов кустарное строительство и перестройка домов в торгово-ремесленных центрах уездных городов и местечек Подолии происходили в русле домостроительной традиции штетлов. Она была так влиятельна потому, что, по крайней мере с конца XVIII в., культурный потенциал малых городских поселений этого региона практически исчерпывался потенциалом их еврейских анклавов²⁹. Последний период массовой частной строительной активности в городах и местечках Подолии можно отнести к 1900–1910 гг.

Угасание домостроительной традиции штетлов началось со свертывания частных строительных инициатив в процессе так называемой советской урбанизации. В настоящее время оно достигло критического уровня. В Подолии эта домостроительная традиция все еще может считаться живой только потому, что в воображаемых реконструкциях штетла местными уроженцами задействованы существующие “еврейские дома”. Многие из информантов обладают опытом, связанным с их утилитарным и символическим использованием. В репрезентациях таких домов предьявлены некоторые практики домостроительной традиции штетлов, выведенные из сферы фонового знания и отрефлексируемые в воспоминаниях о прошлом. Даже сменив владельцев-евреев на украинцев, дома, которые являются “носителями” этой традиции, препятствуют реинтерпретации культурного пространства бывшего штетла, не позволяя ни местным жителям, ни визитерам рассматривать его в роли советского урбанистического образования.

Список цитируемых интервью из полевого архива Центра “Петербургская иудаика”: Bal_06 – Балта, записи 2006 г.; Bal_06_018, м., 1956 г.р. (Н. Евсеенко, А. Львов, Р. Качка); Ber_08 – Бершадь, записи 2008 г.; Ber_08_007, ж., 1945 г.р. (В. Федченко А. Хофман); Ber_08_032, ж, 1945 г.р. (А. Соколова); Chern_05 – Черновцы, записи 2005 г.; Chern_05_01, м., 1943 г.р. (А. Соколова); Mog_04 – Могилев-Подольский, записи 2004 г.; Mog_04_03, ж., 1925 г.р. (А. Соколова, О. Филичева); Mog_04_04, м.,

1934 г.р. (А. Львов, А. Соколова); Mog_04_05, ж. 1937 г.р. (А. Соколова); Shar_01 – Шаргород, записи 2001 г.; Shar_04 – Шаргород, записи 2004 г.; Shar_04_01, ж., 1930 г.р. (О. Белова, Т. Величко, А. Соколова); Shar_05 – Шаргород, записи 2005 г.; Shar_05_02, м., 1939 г.р. (А. Соколова); Shar_05_03, ж., 1929 г.р. (И. Дворкин, А. Соколова); Tul_05 – Тульчин, записи 2005 г.; Tul_05_036, м., 1932 г.р. (О. Габе, С. Степанищев, В. Чаплин); Tul_05_037, м. 1917 г.р. (С. Егорова, Ю. Мягкова, М. Трескунов); Tul_05_057, м., 1949 г.р. (К. Викторова, О. Жиронкина); Tul_05_060, 2, м., 1925 г.р., ж., 1927 г.р. (М. Каспина, С. Пахомова, А. Соколова); Tul_05_087, ж., 1919 г.р. (А. Львов, А. Соколова); Tul_05_090, ж., 1943 г.р., (К. Викторова, О. Жиронкина, А. Кушкова); Tul_05_102, 1, м., 1939 г.р., ж. 1947 г.р. (А. Соколова, В. Чаплин); Tul_05_107, м., 1930 г.р. (О. Габе, А. Соколова); Zhv_04 – Жванец, записи 2004 г.; Zhv_04_01, ж., 1941 г.р. (Л. Лемпертене, А. Львов, А. Тамулявичуте).

Список цитируемых интервью из личного полевого архива: Shar_2001_04, ж., 1927 г.р. (А. Соколова); Shar_2001_05, ж., 1931 г.р. (А. Соколова).

Список информантов: Берик Михаил Ефимович, Валевич Леонид Хаимович, Вайншток Люся; Гарбер Владимир Семенович, Геккер Моисей Наумович, Ерухман Михаил Исаакович, Жидовецкая Мина Израилевна, Николаевский Абрам Моисеевич, Колоденкер Ента Ушеровна, Колоденкер Лев Шаевич, Мураковская Полина Яковлевна, Нейман Леонид Моисеевич, Олейникова Фейга Вольковна, Постель Анна Марковна, Тираспольский Михаил Гершкович, Фридкина Лея Вольфовна, Штейман Евгения (Шейне-Тубе) Владимировна, Юркевецкий Ниссон Овшиевич.

Примечания

¹ Книги памяти (*Сифрей Зихронот* – ивр., *Изкор-бихер* – идиш) составляли и издавали в США и Израиле еврейские землячества выходцев из различных городов и местечек Восточной и Центральной Европы. В них описана повседневная жизнь города и его еврейской общины в довоенное время.

² Фельштин (совр. Гвардейское) – село в Хмельницком р-не Хмельницкой обл., до 1923 г. – местечко Проскуровского у. Подольской губ.

³ Понятие *место памяти* было введено П. Нора (*Nora* 1984–1992). См. также: *Nora* 1999.

⁴ Исследованию подобных процессов, определенных как “перемещение ментальной карты на топографический уровень”, посвящена книга М. Хальбвакса “Легендарная топография Евангелий на Святой земле”, см.: *Хаттон* 2003: 203–218.

⁵ Название *Транснистрия (Заднепровье)* было дано румынскими властями провинции между реками Днестр и Южный Буг, находившейся под управлением этих властей в соответствии с немецко-румынским договором от 30 августа 1941 г. Согласно современному административному делению это части Винницкой и Одесской областей Украины.

⁶ Интервью были собраны в рамках школ-экспедиций 2004–2008 гг., организованных Центром “Петербургская иудаика” (Европейский университет в Санкт-Петербурге.) совместно с Центром СЭФЕР (Москва).

⁷ Определение понятия *домостроительная традиция* в этой статье несколько отлично от того, которое было предложено мною в 2006 г. (*Sokolova* 2006: 190). Коррективы уточняют данное понятие как исследовательскую категорию.

⁸ Такой статус получал населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром.

⁹ Семен Акимович Ан-ский (псевдоним; настоящее имя Шлойме-Зайнвил Раппопорт, 1863–1920) – писатель, фольклорист, общественный деятель.

¹⁰ В результате начатого в 1923 г. перехода на новую систему административного деления одни местечки получили статус районных центров (поселков городского типа или городов), другие были “разжалованы” в села.

¹¹ О репрезентации “еврейского местечка” в этот период, напр., см.: *Иванов* 2008: 381–412.

¹² Даниил Михайлович Щербаковский (1877–1927) – искусствовед, заведующий отделом народного искусства Всеукраинского исторического музея.

¹³ Впервые термин *штетл* был использован мной в 1997 г. (*Соколова* 1997)

¹⁴ Шаргород – город, районный центр Винницкой обл., до 1923 г. – местечко Могилевского у. Подольской губ.

¹⁵ Исследовательский концепт *архитектурная среда* (build environment) востребован в работах, посвященных культуре взаимоотношений определенного сообщества со своим архитектурным окружением, в том числе его символическому осмыслению, например, в работах Кевина Линча (*Линч* 1984). Когда речь идет о городах, авторы обычно используют термин *городская среда*.

¹⁶ Тульчин – город, районный центр Винницкой обл., до 1923 г. – местечко Брацлавского у. Подольской губ.

¹⁷ Моисей Иосифович Берлин (1821–1888). С 1856 по 1866 г. занимал должность ученого еврея при департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи, являлся член-корреспондентом Общества истории и древностей России и действительным членом Императорского русского географического общества.

¹⁸ Старокопачин – город, районный центр Хмельницкой обл., до 1923 г. – уездный город Волынской губ.

¹⁹ Черновцы – село в Могилевском р-не Винницкой обл., до 1923 г. – местечко Ямпольского у. Подольской губ.

²⁰ Жванец – село в Каменец-Подольском р-не Хмельницкой обл., до 1923 г. – местечко Каменецкого у. Подольской губ.

²¹ Архив Русского географического общества. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

²² Балта – город, районный центр Одесской обл., до 1923 г. – уездный город Подольской губ.

²³ О связи между понятиями “еврейское местечко”, “центр” и “еврейское большинство” см.: Соколова 2008: 35–40.

²⁴ Слово *штибл* использовали также для обозначения дома (или комнаты), служившего для собраний религиозной группы.

²⁵ Озаринцы – село в Могилевском р-не Винницкой обл., до 1923 г. – местечко Могилевского у. Подольской губ.

²⁶ Бершадь – город, районный центр Винницкой обл., до 1923 г. – местечко Ольгопольского у. Подольской губ.

²⁷ Райзе Ефим Самойлович (1904–1970) – фольклорист, составитель обширного собрания еврейских сказок.

²⁸ Выражение Пола Томпсона (*Томпсон* 2003: 13).

²⁹ Понятие “культурный потенциал” было предложено В.Л. Глазычевым как “мера способности городского сообщества создавать вновь и поддерживать условия своего развития” (*Глазычев* 1995).

Литература

- Берлин* 1861 – *Берлин М.* Очерк этнографии еврейского народонаселения в России / Зап. Императорского Российского географ. об-ва. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1861. К. 1.
- Глазычев* 1995 – *Глазычев В.Л.* Городская среда. Технология развития. М.: Ладья, 1995.
- Дитятин* 1875 – *Дитятин И.* Устройство и управление городов России. В 2 т. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1877.
- Зуц* 1884 – *Зуц Н.И.* Описание города Старокопачина от начала основания до наших дней. Старокопачин: Типо-литография С. Аренберга. 1884.
- Иванов* 2008 – *Иванов А.И.* Бремя пропаганды: репрезентация еврейской земледельческой колонизации в советской документально-публицистической фотографии 1920–1930-х гг. // Проблемы еврейской истории. Ч. 1. М., “Книжники”, 2008. С. 381–412.
- Листування* 2006 – *Листування Семена Ан-ського з Володимиром Гінцбургом (1912–1914) / Архівна спадщина Семена Ан-ського у фондах Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського / Сост. І. Сергеева.* Киев: Дух и Літера, 2006. С. 426–461 (русс. яз.).
- Линч* 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.
- Нора* 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / Ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М.: Винок; СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.
- Райзе* 2005 – *Райзе Е.* Семейная хроника / Публ. В.А. Дымшица и др. // Архив еврейской истории / Под ред. О.В. Будницкого. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 9–65.

- Соколова 1997* – *Соколова А.* Архитектурный образ штетла // Вестник Еврейского университета в Москве. № 2 (15). М.; Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1997. С. 147–185.
- Соколова 2000* – *Соколова А.* Архитектура штетла в контексте традиционной культуры // Сто еврейских местечек Украины: Исторический путеводитель. Вып. 2: Подолия / Сост. В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб.: Иерусалимский центр документирования наследия диаспоры, НП “Петербургская иудаика”, 2000. С. 53–84.
- Соколова 2006* – *Соколова А.* “Белый господин” в поисках экзотики: еврейские достопримечательности в путевых записках и искусствоведческих очерках (XIX – начало XX века) // Русско-еврейская культура / Под ред. О.В. Будницкого. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2006. С. 406–436.
- Соколова 2008* – *Соколова А.* Еврейские местечки памяти: локализация штетла // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В.А. Дымшиц и др. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 29–64.
- Тан-Богораз 1926* – *Тан-Богораз В.Г.* Еврейское местечко в революции // Еврейское местечко в революции: Очерки / Под. ред. В.Г. Тана-Богораз. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 7–26.
- Томпсон 2003* – *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М.: Весь Мир; Издательский дом ИНФРА–М, 2003.
- Хаймович 2000* – *Хаймович Б.* Еврейское народное искусство южной Подолии // Сто еврейских местечек Украины: Исторический путеводитель. Вып. 2: С. 85–116.
- Хаттон 2003* – *Хаттон П.* История как искусство памяти / Пер. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003.
- Шолом-Алейхем 1960* – *Шолом-Алейхем.* Город маленьких людей // Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1960. С. 279–286.
- Щербаківський 1927* – *Щербаківський Д.* Памятки мистецтва на Правобережжі // Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 рік. Киев, Всеукраїнський археологічний комітет, 1927. С. 192–207.
- Юхніва 1992* – *Юхніва Н.* Мы были... Мы жили... (О расселении евреев–ашкеназов в России) // Вестник Еврейского университета в Москве. № 1. М.; Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1992. С. 75–82.
- Nora 1984–1992* – *Les lieux de mémoire* / Ed. P. Nora. Vol. 1–7. P.: Gallimard, 1984–1992.
- Roskies 1999* – *Roskies D.G.* The Jewish Search for a Usable Past. Bloomington: Indiana University Press, 1999.
- Sokolova 2005* – *Sokolova A.* Contemporary Images of the Shtetl amongst the Ukrainian Population of Urban-type Settlements and Villages of Podolia // Moving in the USSR. Western Anomalies and Northern Wilderness / Ed. Pekka Hakamies. Helsinki: Finnish Literature Society, 2005. P. 130–159.
- Sokolova 2006* – *Sokolova A.* Brick as an Instrument of Innovative Assault: The Transformation of the House–Building Tradition in the Shtetls of Podolia in the Late 19th and Early 20th Centuries // Central and East European Jews at the Crossroads of Tradition and Modernity: Proceedings of International Conference of the Lithuanian Institute of History and the Centre for the Studies of the Culture and History of East European Jews: April 19–21 2005, Vilnius / Ed. Ju. Sīaučūnaitė-Verbickienė, L. Lempertienė. Vilnius, 2006. P. 188–219.
- Williams 2004* – *Williams M.A.* Homeplace: The Social Use and Meaning of the Folk Dwelling in Southwestern North Carolina. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2004 [1991].
- Zborowski, Herzog 1995* – *Zborowski M., Herzog E.* Life Is with People: The Culture of the Shtetl. N.Y.: Shoken Books 1995.